

Каркасы государства

Скажу сразу, что под каркасами имеются в виду разного рода институты. Что это такое, какую роль институты играют в жизни страны и что с ними происходит в России – об этом и многом другом с Ю. В. ОВСИЕНКО, профессором, доктором экономических наук, заведующим лабораторией Центрального экономико-математического института РАН беседует И. А. ОГНЕВ.

Заповеди без суеты

– Юрий Валентинович, если не возражаете, начнем с азов: что такое институты?

– Самое простейшее пояснение – это правила поведения в социальной среде. Все хотят жить лучше, причем частенько за счет других. Поэтому общество создает ограничения, которых люди должны придерживаться в общении друг с другом. Однако общество состоит не только из индивидов, но и из организаций. И каждая также стремится к собственной выгоде. Поэтому правила должны быть такими, чтобы эти стремления никому не могли причинить вреда.

Какими были самые первые институты? Это всем известные десять заповедей Моисея: не убий, не воруй и так далее. Они, в сущности, и лежат в основе современной институциональной системы. Их можно уподобить правилам игры. Приведу аналогию с футболом. Все 22 игрока придерживаются определенных правил: не ставь подножку, аут выбрасывай вот так... А судьи следят, чтобы эти правила никто не нарушал

– Значит, присутствие судей для исправной работы институтов обязательно?

– Обязательно, но недостаточно. Представьте, что судьи любят одну команду и не очень – другую. Вот тут и начнется: то пенальти неверно назначат, то не заметят грубость игроков любимой команды... Но, к счастью, есть еще и зрители, которые в такие моменты принимаются свистеть и кричать: «Судью на мыло!» И судьи начинают опасаться,

что их уличат в пристрастности. Применительно к государству это означает, что его деятельность должна находиться под общественным контролем.

Важно заметить и то, что правила игры устанавливаются не судьями, а, по идее, должны вырабатываться постепенно, совместными усилиями. Правила ведь должны быть справедливыми. Если игрок провинился – судья обязан назначить наказание.

Это самые простые и первые определения институтов. Позднее Вебер определил их так: это образ мышления общества, процесс, в ходе которого люди поступают так, как считается более справедливым. Другими словами, Вебер подразумевал существование неких демократических механизмов.

– В начале 90-х, когда оживленно обсуждались стратегия и тактика перехода от полностью централизованных политической и экономической систем советского типа, некоторые наши известные академики настойчиво ратовали за революционные изменения. В ходу были такие метафоры: невозможно научиться плавать, не бросившись в реку, или нельзя перескочить пропасть в два прыжка. Ну и как: научились мы плавать или до сих пор барахтаемся в мутной воде?

– Время показало: эти призывы, а также шоковая терапия, по меньшей мере, были безответственными, совершенно в духе 1917-го года. Общество должно развиваться эволюционно, постепенно, без всяких скачков. Биология преподает нам прекрасный урок – мутации. Небольшие мутации могут привести к полезным изменениям в организме, а крупные, как правило, имеют один исход – летальный. Да, советские институты были не идеальные, но они, хотя бы формально, исповедывали среди простого населения порядочность, честность. А в России с благими, вроде бы, намерениями начали перестройку, но в результате по привычке разрушили все до основания.

В экономической науке есть такое понятие: оптимум по Парето. Это такое развитие, при котором одним группам или людям в большей или меньшей степени становится лучше, но хуже – никому. Вот этот принцип в начале 90-х наши реформаторы отринули напрочь. Хуже стало почти всем, а лучше – вдохновителям и организаторам реформ.

– Можно ли сравнивать институциональные измерения в России и в других странах?

– Конечно. Там, где их проводят постепенно, осторожно, обдуманно, ситуация совершенно иная. Например, в Китае никакой шоковой терапии и в помине не было. Доходы всех слоев населения неуклонно повышаются, а темпы экономического роста удивляют весь мир. Россия же, в отличие от подавляющего числа стран бывшего социалистического лагеря и РСФСР, по большинству экономических показателей и, в первую очередь, по доходам населения, сильно отстает. Главная причина, по моему убеждению – плохая институциональная система. Она не создала условий, при которых новые собственники общественного богатства нашей страны были бы заинтересованы в инвестициях. Им и так хорошо. Следовательно, оборудование на заводах и фабриках не обновляется, устаревает, ломается.

О каком экономическом росте может идти речь? Тот рост, что наблюдается в России, связан, главным образом, с повышением цен природного сырья: нефти, газа, металлов. Этого добра у нас пока полно, следовательно, полно и денег. Но главная задача – быстро и коренным образом перевооружить промышленность, сельское хозяйство, капитальное строительство и т. д. Причем сделать это надо как можно скорее, пока природное добро не исчерпалось. Однако олигархи считают, что им выгоднее вывозить свои доходы за границу, а не вкладывать в родную экономику.

И государство действует не оптимальным образом: собирает деньги в стабилизационный фонд и хранит в США, помогая развивать ее экономику. А ведь способов использовать эти деньги в стране много: и повысить зарплаты низкооплачиваемым, и инвестировать в разные отрасли хозяйства... Уж если наши правители не знают, куда девать деньги, лучше сократить добычу сырья. Больше ресурсов достанется потомкам. Думаю, они сумеют ими лучше распорядиться, нежели наши правители.

– Ну а как в начале 90-х должны были поступить наши власти? Если общество развивается эволюционно, то институты вначале проявляют себя в жизни и только потом оформ-

ляются в виде законов. Но в России произошла революция, сменился государственный строй. Следовательно, должна меняться и вся система институтов. Разве в этой ситуации есть возможность выращивать их снизу, постепенно?

– В том-то и дело – в революции. Революционные изменения всегда приводили к катастрофическим результатам. Яркие примеры – Великие революции во Франции и России. И результаты современного российского переворота ощутились немедленно. Уже в 1992 г. смертность населения превысила рождаемость. Началась депопуляция. В первые годы перехода к рынку ее размеры были огромны. Каждый год население страны сокращалось почти на миллион. Этот процесс не остановился и по сей день, хотя масштабы его не столь значительные. Главная причина – обнищание населения, неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие, разгул алкоголизма и наркомании. Это сократило общую продолжительность жизни. Сейчас она у мужчин составляет 57 лет, более половины из них не доживают до пенсии. В стране толпы малолетних беспризорников – по некоторым оценкам, до двух миллионов. Так было только после гражданской и Второй мировой войн. Но причины теперь принципиально иные. На войне погибло много людей, тратились огромные ресурсы. Нынче же мирное время, многие беспризорники имеют живых родителей. Чаще всего – нищих, наркоманов, алкоколиков. Многие дети тоже становятся такими же, заражаются СПИДом, умирают. А государство даже сейчас, по прошествии 15 лет с момента начала реформ, по-настоящему так и не озаботилось этой проблемой.

Говорят, дуракам закон не писан, а у нас – властям. Они безнаказанно нарушают и естественные законы, и даже те, что придумали сами.

В чем задача институциональной системы? В том, чтобы всем людям становилось все лучше и лучше. А что сделали реформаторы? Поделили работающих в государственных учреждениях на патрициев и плебеев – госслужащих и так называемых бюджетников, приняли для них разные законы. (Напомню, что в царской России была единая для всех система госслужбы, единая табель о рангах.) Разрыв в доходах

членов этих каст – в десятки и сотни раз. При этом он постоянно растет, особенно после 2000 г. Снижение заработной платы, особенно в среде интеллигенции, приводит к тому, что люди начинают работать сразу в нескольких местах. Ныне это – массовое явление. В результате ухудшилось качество образования, медицинского обслуживания. Снизилась результативность научных исследований. Выход один: только повышение зарплаты бюджетников поведет к улучшению результатов их работы, заставит бизнесменов повышать зарплату наименее обеспеченным работникам.

Я убежден: первопричина многих наших бед – обнищание. Произошло огромное перераспределение доходов от населения к правящей верхушке, гордо именующей себя «элитой». Поскольку она занималась реформами, то и сделала их под себя. Интересно заметить, что на заре капитализма Маркс увидел подобную тенденцию и выдвинул лозунг экспроприации экспроприаторов. Он и был в основе переворота 1917 г. Но капитализм давно преодолел эту тенденцию, а мы ее возродили.

Не так страшен черт, как его малюют

– Справедливости ради надо заметить, что советский Росинант такой социальной нагрузки не выдержал и приказал долго жить, но это уже другая история. Вернемся лучше к страшилкам про инфляцию в случае резкого повышения доходов...

– Этого «зверя» при нормальном капитализме обуздывают вполне успешно. Обычно действует такая логическая цепочка. Повышение зарплаты вызывает рост спроса. В ответ увеличивается предложение, выпускают больше разнообразных товаров. И – увеличивается валовой внутренний продукт, а цены если и начнут расти, то значительно медленнее роста доходов. Следовательно, народное благосостояние будет повышаться не так быстро, как номинальные доходы, но – будет. Кстати, в минувшем году небывало выросла денежная масса, но инфляция снизилась. Это лишний раз опровергает страшилки Минфина. Конечно, Центральный банк

должен запустить полноценную систему рефинансирования, по сносной ставке кредитовать коммерческие банки. А те должны отказаться от примитивной спекуляции, чем до сих пор не гнушаются, и снабжать предприятия дешевыми и длинными кредитами.

Но эти и другие механизмы работают при одном непременном условии: должна существовать реальная конкуренция. А ее в России нет. Нынешняя экономика монополизирована больше, чем в СССР. Это уже не страшилка, а то, что делает нашу экономику менее эффективной.

– Какие тому доказательства?

– Наши реформаторы сделали так, что количество монополий постоянно растет. Вся добыча нефти – одна олигополия, газ – монополия. Почти весь алюминий также производит один олигарх. В черной металлургии комбинаты выпускают разную продукцию, но между ними почти нет конкуренции. В авиапроме, судостроении и других важных отраслях создают государственные концерны, между предприятиями которых тоже не будет конкуренции.

– А в легкой и перерабатывающей отраслях?

– Те предприятия, которым удалось уцелеть в ходе реформ, прибрали к рукам региональные монополии. Губернаторы договариваются: я не лезу на твой рынок, а ты – на мой. Следят, чтобы цены разительно не отличались. Бывают и такие ситуации: региональные чиновники делают выгодное предложение монополисту, обещают оградить от внешней конкуренции, но в ответ монополист с чиновником делится. В таких вотчинах и крестьянам, кроме губернаторского окружения, свое сырье больше некому продать. Сейчас много говорят о том, чтобы ликвидировать посредников. Но ведь их создают те же местные власти, чтобы не сразу, а незаметно, по цепочке, наращивать цены и прибыль. На самом деле у этих цепочек, как правило, один хозяин. При этом территория делится между посредниками. Получается монополия одного покупателя, или, как говорят экономисты – монопсония.

Такие антиусловия характерны для подавляющего числа регионов, и они, разумеется, не способствуют появлению нормальных институтов.

Отдельно скажу о так называемых естественных монополиях. Это электрические сети, нефте- и газопроводы, канализация и т. д. Здесь иметь несколько фирм нецелесообразно. Нельзя же в каждой квартире ставить несколько унитазов для того, чтобы обеспечить конкуренцию между фирмами-«канализаторами»! Значит, надо использовать методы, применявшиеся в СССР, – централизованное планирование и ценообразование. Именно на этом этапе существует конкуренция. Конкурс выигрывает фирма, гарантирующая все услуги, нужные, например, городу, с высоким качеством и по наименьшей цене. При этом цена формируется по принципу: затраты плюс справедливая прибыль, – и утверждается централизованно, как и необходимый объем предоставляемых услуг. Такова обычная практика многих стран, включая США. Наши же реформаторы, отказавшись от централизованных методов управления, как говорится, вместе с водой выплеснули ребенка. Именно поэтому, например, затраты на обслуживание жилья растут быстрее инфляции.

– И что делать?

– Для всех предприятий нужны единые стартовые условия. Прежде всего, следует изымать нетрудовые доходы. Самый важный – природную ренту. Это разность между, например, ценой нефти и затратами на ее добычу. Делают это с помощью рентных налогов. Далее, следует контролировать издержки. Для естественных монополий установить среднюю прибыль. Допустим, 10% – минимальная и 30% – максимальная. Все. Остальные монополии должны вообще исчезнуть. Ведь если они будут существовать, то появится монопольный доход, поскольку единственный производитель товара сможет устанавливать любые цены. Если все это сделать – появятся условия для перелива капитала. Его станут вкладывать в обработку, поскольку доходность там будет примерно такой же, как и в добывающей сфере. А что

сейчас происходит? Денег полно, но они плохо инвестируются в страну. У меня, допустим, есть миллиард долларов, хочу купить нефтяное месторождение. Но кто мне это позволит? Ведь я составлю какому-то олигарху со связями в верхах конкуренцию, уменьшу его доходы и доходы его чиновных покровителей. Не развивается мелкий бизнес, поскольку он может составить конкуренцию крупному. Все это – следствие монополизации. Дальше, налоговая система имеет чисто фискальные цели, она не настроена на стимулирование экономики. Ну и антимонопольное законодательство, которое мы всё никак не осмелимся запустить. Не на словах, а на деле. На Западе всё это четко отработано, а у нас дали чиновнику на лапу – и всё у тебя правильно.

– Существуют ли какие-то технологии выращивания институтов?

– Они есть. Но кто-то должен быть заинтересован в том, чтобы эти технологии и институты предлагать, отрабатывать новые формы, отношения. Проводить эксперименты. Пусть сначала посмотрят специалисты, они, уверен, обнаружат массу недоработок. Важнейшие проекты необходимо широко обсуждать в обществе. Почему бы не опробовать на нескольких предприятиях хорошо зарекомендовавшие себя зарубежные институты, и в случае успеха их распространить? Но все это возможно при одном условии: если нет или почти нет коррупции. Иначе всё пойдет прахом.

Другой существенный момент – мало кто наверху знает, что на самом деле происходит в промышленности, в АПК,

– Нет обратной связи снизу вверх?

– Конечно. Причем главная обратная связь – это реальное влияние низов на решения верхов – отсутствует. Все завертикалено и сильно искажается. В этих условиях и эксперименты бессмысленны – выводы сделают не те. Эксперименты имеют смысл в нормальной отлаженной системе, а у нас все размыто.

– Каким должен быть темп преобразования институтов? Некоторые считают, будто за 15 лет мы слишком мало сделали, другие утверждают обратное...

– Опыт показывает, что быстро-быстро хороших результатов не достичь. А вот в Китае, как я уже говорил, реформируют постепенно и многого добились. Общество – живой организм, все мутации в нем идут медленно, постепенно. А главное – опасны революции.

– Потому что человек инерционен?

– И результаты революций непредсказуемы. Если действовать постепенно – можно ошибки вовремя исправить. Но вот мы провели масштабную приватизацию одним махом, наплодили олигархов – и как теперь с ними управлять-ся? Все правительство куплено...

– Какое влияние на изменение институтов оказывает размер страны?

– Я пришел к такому мнению. Россия всегда была самой богатой страной по ресурсам, но ее население – самым бедным. Большая страна, если не считать специфический Восток, почти всегда плохо управляемая. Думаю, что Россия со временем трансформируется в федерацию относительно независимых образований.

– Это не фантастика?

– Двадцать лет назад мы и предположить не могли, что СССР развалится. Появилась Россия. Но в ней губернатор при таких размерах территории всегда будет местным царьком. Придумает свои законы, лично себе всех и всё подчинит.

– А как же Америка, она тоже большая?

– Законы штатов различаются, и ничего страшного не происходит. Не стремятся, в отличие от нас, все унифицировать. А мы вернулись к модели СССР, только на пещерном уровне. Верхнюю палату, губернаторов не выбираем. При снятии ограничений на явку избирателей «Единая Россия» пойдет на парламентские выборы – и сама себя выберет. Пока центральная власть не станет открытой – ничего не получится. Но сама по себе она не откроется, и олигархи не станут отчитываться о своих доходах, потому что они срослись с властью. Коммерческая тайна должна касаться только сделок, а мы всё на свете сделали тайной.

– Насколько институты должны быть взаимосвязаны, взаимозависимы? Какой должна быть логика, очередность их становления? В свое время существовала программа «500 дней». Ее раскритиковали. Я изучал этот аргумент, но не обнаружил даже намека на то, что приписали авторам: построить капитализм за 500 дней. Зато там была тщательно прописана логика принятия первоочередных законодательных актов...

– Мне кажется, всех запутало название проекта, да и помешать хотели. Но логика в создании институтов, конечно же, должна присутствовать. Возьмите ту же таблицу о рангах. Если мы дадим учителю зарплату в 3 тыс. дол., а рабочему 2 тыс. – многое пойдет по другому пути. Локальное, казалось бы, изменение повлияет на целый комплекс проблем.

– Почему же логикой в преобразовании институтов и не пахнет?

– Потому что высшая власть действует без всякого плана, без контроля и вмешательства общества, населения. При таком варианте всё обречено на провал.

– Но как в наших конкретных условиях общество может влиять?

– В прессе, открыто. Я не рьяный сторонник СССР, но в те времена к очередному съезду КПСС печатали тезисы нового пятилетнего плана, их бурно обсуждали в газетах. Далеко не всё учитывали, хотя дельных предложений было много. Отчасти поэтому страна и развалилась. Чем была сильна система? Как ни странно, марксизмом-ленинизмом. Власть совсем уж не забывала, что народу нужно жить. Была ответственность чиновников за свои действия. Сантехники пили, но знали, что должны заявки людей выполнять, иначе выгонят. Потому и пили меньше, чем сейчас. Сегодня тебя хозяин вытолкнул на улицу, и никому до этого дела нет. Огромное число бомжей, беспризорников – это же пропащие люди и поколения.

Судью на мыло!

– Президента В. В. Путина хвалят за то, что он восстановил государственные институты. На первый взгляд, так оно и есть. Но институты эти до сих пор хроменькие, сляпанные наспех, временно. Можно ли, на Ваш взгляд, следовать такой логике: создаем институты государства, а со временем доводим их до кондиции?

– Здесь нужно различать два вопроса. Один – это иерархия системы управления. На практике число ее степеней не превышает трех. В США это государство, штаты, местные органы. В Швейцарии – государство, кантон, местные органы. Если сделать больше уровней, добавить, например, федеральные округа – звено будет лишним. Теперь собственно об институтах. Например, демократические институты идеальными сразу не получатся. Но если люди видят, что государство искренне нацелено на демократические преобразования, исповедует гласность, свободу слова и выборов, политическую конкуренцию на всех уровнях – тогда все вместе будут устранять недостатки. Я в начале нашего разговора сказал: на футбольном матче кто-то должен свистеть и кричать: «Судью на мыло!». Без этого ничего не получится. Без политической конкуренции не будет и экономической. А для этого институциональные преобразования должно контролировать общество.

– Вы, конечно, помните, что среди бывших соцстран в свое время больше всех преуспела в реформах Венгрия. В немалой степени произошло это и потому, что для проведения реформ в конце 60-х годов там был создан специальный центр во главе со вторым секретарем ЦК Венгерской рабочей партии.

– Да, было такое дело.

– Но в сегодняшней России подобного единого центра реформ нет. Дескать, есть правительство, которое якобы сплошь состоит из реформаторов. Однако реальных позитивных результатов их деятельности пока не видно.

– Вообще-то реформами должна заниматься законодательная власть. Но для этого необходимо несколько условий: на всех уровнях действует нормальная система равно-

правных политических партий, а в Федеральном собрании заседают грамотные профессиональные депутаты.

– Формально в России законодательная власть и занимается реформами...

– Да она просто утверждает все, что спускает правительство, с которым парламент обязан согласовывать все свои законодательные инициативы. Так что исполнительная ветвь и правит бал. По сути, никакого разделения властей в России до сих пор не произошло. Лоббисты успешно, с помощью купленных чиновников в правительстве, протаскивают удобные для себя законы. А наш парламент – словно английская королева: вроде правит, но реального влияния на становление институтов не имеет.

Кроме того, все реформы, а уж крупные – тем более, общество должно обсуждать. Во всех нормальных странах есть специальные телеканалы, по которым подобные дебаты только и транслируют. Желающие могут получить и стенограммы парламентских прений. В России ничего похожего нет, всё – тайна. Так хорошую институциональную систему не создашь.

– Значит, хочешь – не хочешь, все опять упирается в систему власти, в наличие нормальных политических институтов?

– Конечно! Иначе Россия обречена. У меня надежда осталась только на молодежь. Может, она, придя к власти, сумеет отстоять демократические преобразования. Слов нет, при Б. Н. Ельцине ситуация была плоха, но именно тогда стали зарождаться демократические институты. Не чинили препятствий прессе, свобода была полная. Сейчас формально цензуры тоже нет, но самоцензура оказалась куда как сильнее. При Ельцине стали зарождаться партии, парламент, исполнительная власть вынуждена была доказывать правильность своих действий. А сейчас она что ни скажет – все истина в последней инстанции. Если и дальше так будет продолжаться – получим самое страшное.

– Упирая на становление государственности, наши высшие правители часто проводят исторические аналогии. Но

уж больно избирательно. Говоря о пользе авторитарности, ссылаются на Ивана Грозного, на реформы Петра I. При этом стараются не цитировать, например, Милюкова*, который писал, что «Петр возвел Россию в ранг европейской державы ценой разорения страны». Можно игнорировать Милюкова, но не тот факт, что после Петра I понадобилось 20 лет на восстановление экономики. Из этого кризиса Екатерине II пришлось выводить страну системными мерами все 34 года своего правления. Однако наши политологи и реформаторы этот исторический опыт старательно обходят.

Тема эта отдельная, но к нашему разговору я приведу одно разъяснение Екатерины II. На вопрос, почему ее указы исполняют слепо, она ответила следующее: «Повеления мои не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уводящая мысли просвещенной части народа, и по тому заключаю, какое действие мой указ произвести должен. И когда уже наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю мое повеление и имею удовольствие от того, что ты называешь слепым повиновением. И вот – основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приурочено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о последствиях...»

Мне кажется, используя современную терминологию, Екатерина II проводила некие социологические исследования и, как говорят сегодня, мониторила ход реформ. Но сейчас-то инструментарий гораздо изощреннее...

– Екатерина – действительно просвещенный монарх, что в России большая редкость. Но вот представьте себе: я захотел провести мониторинг деятельности правительства. Так мне и дали! А такие люди, как Дэн Сяопин или Екатерина II, – большая редкость.

– В качестве экспертов и наши ученые, в том числе – из Академии наук – могут выступать вполне успешно. Но если олигархов «равноудалили» от власти, то ученых-экспертов удалили еще дальше. К чему бы это?

* Милюков Павел Николаевич (1859–1943), политический деятель, историк, публицист. В 1917 г. был министром иностранных дел Временного правительства первого состава (2 (15) марта – 25 октября (7 ноября)). (Прим. «ЭКО»)

– Наши высшие чиновники сами с усами: сами законы сочиняют, сами оценивают их качество, а также исполнение. И никакой контроль им не нужен.

– Как Вы оцениваете квалификацию высших чиновников?

– Стоит проследить последствия тех решений, которые они принимают, и все станет ясно. Вспомните хаос на рынке алкоголя. Или вот теперь вводят налоги на основе кадастровой оценки земли. Я думаю, что этой оценкой они пустят простой люд по миру. Теперь миллиардер выплачивает 13% налогов на доход, столько же платит простой работник (раньше он платил 12%, но государству этого маловато). Прекрасен и закон о ликвидации налога на наследство. Ныне и бедняк бесплатно получает от матери разбитое корыто, а олигарх и высший чиновник – все имущество родителей (фирмы, дворцы, счета в швейцарских банках...). Результат очевиден: те, кто нами правит, передают свое имущество потомкам, независимо от их способности к эффективному распоряжению им. Так власть в стране становится наследственной.

В чем наши чиновники преуспели, так это в интригах, в искусстве рысью взбираться по этажам власти. Тут они асы! Но по классу нынешние гораздо жиже советских. Я вовсе не идеализирую советское время, и тогда было много дурного. Но все познается в сравнении. Повторю еще раз – государство есть самая страшная монополия, но, к сожалению, естественная, и она будет закосневать тем сильнее, чем дольше не будут развиваться демократические институты. Яркая тому иллюстрация – состояние институтов Мексики в XIX веке, описанное экономистами: «Небольшие предприятия, исключенные из системы корпоративных привилегий и политического покровительства, были вынуждены постоянно существовать в полуподпольном состоянии, всегда на грани закона, всегда по милости мелких чиновников...» Спустя полтора века мы получили в России то же самое.

– А что Вы думаете о позиции государства в отношении монополий?

– Одна монополия – политическая – тщательно охраняет другие, от которых кормится. Представьте себе, что произойдет, если внутри «Газпрома» возникнут независимые добывающие объединения? Снизятся издержки, а зарплата рабочих вырастет. Отпадет нужда в огромной армии чиновников, которые якобы что-то контролируют, а на самом деле паразитируют. Или возьмите энергетику. А. Б. Чубайс лет пять предупреждал о том, что если не реформировать РАО «ЕЭС России», то мы получим огромный дефицит энергоносителей. Так и случилось, пока правительство года три тянуло с утверждением модели реформирования РАО.

– Во всем опять виноват Чубайс?

– На самом деле мы наблюдаем закономерное явление: политическая монополия, сформировавшая нынешнее российское государство, всегда плотно связана с охранительными действиями относительно других монополий. А сами естественные монополии неизбежны, как я уже говорил. Только они должны находиться под действенным постоянным контролем, и цены на их услуги устанавливаться централизованно.

– Какие самые тревожные следствия порождает союз политической и экономической монополий?

– Во-первых, коррупция. Об этом мы уже говорили, но отмечу одно заблуждение. Мол, стоит только значительно повысить чиновникам зарплату, как они перестанут брать взятки. Исследования опровергают эти фантазии. С ростом зарплаты размер взятки растет, причем довольно резко, поскольку нет контроля за деятельностью и доходами чиновников. Во-вторых, в обществе насаждается страх. В начале 90-х у людей была какая-то вера, даже эйфория. Надеялись, что-то сдвинется к лучшему. Но теперь все занято собственным прокормом, а выйти на улицы, чтобы выразить возмущение безобразием власти, – боятся. Так оно и будет, пока народ не очнется. Все же есть отличный пример – протест против монетизации льгот, окончившийся относительной победой народа. Значит, можно власть поправлять, только не надо ее бояться. Изгнать из себя страх, выдавить раба.